

Николай Лесков

Сеничкин яд



Николай Лесков

Сеничкин яд

«Public Domain»

1883

Лесков Н. С.

Сеничкин яд / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1883

«...Материал для наблюдения, как распространялся и действовал «Сеничкин яд» в тридцатых годах нашего столетия, мы находим в записках магистра 2-го курса московской духовной академии и профессора вифанской семинарии, а впоследствии синодального секретаря Филиппа Филипповича Исмаилова, драгоценнейшею чертою характера которого надо считать его правдивость, часто совсем не щадящую его собственного самолюбия...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	8
Глава четвертая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Лесков

Сеничкин яд

По запискам Исмайлова (30-е годы)

*Издrevле изблева змий сатана смрадный яд свой, им же окалях прелестию души чистоту и омрачи ума благоискусную светлостъ.
Сказ. об «Отцах и страдальцах»*

Глава первая

Полагают, что «Сеничкин яд», которым опоены многие души в России, изобретен и выработан в шестидесятых годах в химической лаборатории военно-медицинской академии лекарским сыном Базаровым. Здесь же этот яд будто разлит и разослан прямо во все мужские и женские училища, причем наибольшие его дозы попали и в духовные семинарии. Таким образом будто и пошла отравка самым вредным из ядов – «Сеничкиным ядом».

Но есть и другое мнение, что «Сеничкин яд» гораздо старше самого Базарова и вывезен к нам из заграницы контрабандою в кавалерийских тороках, а разливка его первоначально производилась кустарным образом по домам, и притом чаще всего по домам самым почтенным, именитым и поставленным в самые выгодные, по-видимому, условия для того, чтобы такая вредная гадость, как «Сеничкин яд», туда ни под каким видом проникать не могла.

Наконец, существует еще и третье объяснение, и оно, может быть, самое правильное, что «Сеничкин яд» это и есть та самая «прелестъ, юже издревле изблева змий». Словом, это изобретение самого сатаны и изобретение, как сам черт, старое. Судя по необыкновенной скрытности заражения «Сеничкиным ядом», пристойно думать, что всего вернее это – действительно дело змия.

Впрочем, основательно разобраться в этом за давностью лет чрезвычайно трудно, но очень любопытно проследить, как «Сеничкин яд» распространился в русском обществе в годы, предшествовавшие рождению нашего поколения, которое несет на себе сугубое обвинение за изобретение «яда». Это здесь и предлагается.

Материал для наблюдения, как распространялся и действовал «Сеничкин яд» в тридцатых годах нашего столетия, мы находим в записках магистра 2-го курса московской духовной академии и профессора вифанской семинарии, а впоследствии синодального секретаря Филиппа Филипповича Исмайлова, драгоценнейшею чертою характера которого надо считать его правдивость, часто совсем не щадящую его собственного самолюбия.

Педагогические наблюдения и заметки Исмайлова интересны не менее рассказанных уже по его запискам любовных и брачных эпизодов «глухой поры» тридцатых годов. Здесь мы увидим лжепатриотизм и лжеумствования лукавых людей, совершавших на полной свободе любопытный опыт воспитания государственных деятелей на такой манер, как их в чужих краях не воспитывают, т. е. в особенном самобытном русском направлении.

Все это, по моему мнению, исполнено живого исторического интереса и вполне достойно внимания просвещенных людей, дорожащих благоденствием своей родины.

«История учит», и знать старые ошибки полезно для того, чтобы не желать повторять их наново.

Глава вторая

Дом, где жил и волею-неволею производил свои житейские наблюдения магистр Исмаилов, был один из почетнейших домов в Петербурге, – это дом генерала-от-артиллерии Петра Михайловича Копцевича, который в свое время занимал очень важные должности: он был генерал-губернатором Западной Сибири, а потом, после небольшого перерыва, по приглашению государя Николая Павловича, служил командиром корпуса внутренней стражи и занимал видное место в орденской думе.

Служебный перерыв между генерал-губернаторством и командирством был вызван особым семейным обстоятельством, которое свидетельствует о крайней серьезности отношений генерала к своим отеческим обязанностям. Копцевич был не только превосходный сын отечества, но и чадолюбивейший отец семьи, и когда выгоды последней требовали какой-нибудь жертвы, он не дорожил ничем, – ни местом, ни карьерой. Исмаилов говорит:

«Он принял отставку (от генерал-губернаторства) потому единственно, что сын, десятилетний мальчик, воспитывавшийся у бабушки (в Малороссии) сделался нездоров, так что надо было лечить его путешествием. Посему генерал целый год ездил с ним по Германии и Италии».

Здесь заботливый отец имел полную возможность присмотреться к чужеземному воспитанию, и оно ему все вообще чрезвычайно не понравилось.

Генерал Петр Михайлович не любил ничего иностранного, и в таком точно духе у них составила целая компания: «презирать иностранщину» – в их кружке это было в моде, друг перед другом они этим хвалились. Знакомство у Копцевича было обширное – преимущественно в высшем свете и в высшем духовенстве, которое Копцевич считал призванным и наиболее способным дать наилучшее направление русскому просвещению.

Петр Михайлович еще до поездки в Сибирь на генерал-губернаторство любил беседы с иерархами, из которых один, именно киевский митрополит Серапион Александровский,¹ в своем рукописном дневнике оставил собственноручные заметки о встречах с этим генералом и частью о его характере.

Копцевич не пасовал и перед митрополитом. Для лучшего знакомства с этим непосредственным лицом приведем здесь маленькие выдержки из дневника киевского архипастыря, который на досуге собственноручно записывал важнейшие события своего времени.

Так, митрополит Серапион начертал, например, следующее:

«1816 г. июля 5-го, среда. Вечером был от генерала Копчевского адъютант, который объявил, что сей день жена генерала скончалась от родов».

«Июля 11-го, вторник. В пятом часу был генерал-лейтенант Копцевич и подчиван чаем».

«Ноября 3-го, пятница. Был генерал-лейтенант Копцевич и пожелал видеть знаки Андреевские бриллиантовые, пожалованные мне государем, кои, осмотрев, очень дорого ценил, сказав притом, что „сие украшение прилично светским“, что меня очень удивило».

В самом этом замечании генерала насчет орденских украшений по-настоящему надо бы видеть некоторую тенденциозную ядовитость, но, быть может, Копцевич находил для суждения об архиерейских орденах основания во мнениях митрополита Платона Левшина, который основывался на чем-то еще более древнем.

¹ Редактор «Гражданина», кн. Мещерский, недавно подвел «маленький вопрос»: почему Филарета, митрополита московского, в печати называют по его фамилии Дроздов? Пользуюсь случаем дать недоуменному князю маленькое же объяснение. Филарета называют Дроздов потому, почему называют Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский, Игнатий Брянчанинов, Платон Левшин. В обетах монашеских нет отречения от их светских фамилий и называть их по фамилиям никогда не считалось за неуместное. А напротив, это дает удобство различать Филаретов, Платонов и Игнатьев, которых у нас было много. Если же кн. Мещерский этого не знает, то это только потому, что он вообще, как говорили в старину, «в книгах не зашелся» (прим. Лескова).

Зная, что архиереи русские особенно любят водить знакомство с людьми, достигшими известных степеней, и только от таковых с удивлением, но без гнева и возражений, приемлют колкие и неприятные замечания вроде того, какое сделал Серапиону Копцевич или «Копцевич», мы, конечно, обязаны думать, что генерал Петр Михайлович и в 1816 году имел уже немалый вес в обществе. Но в 1828 г., после того, когда Копцевич провел десять лет на генерал-губернаторстве, да более года в вояже по Европе и по возвращении состоял не у дел, он изменился. Теперь он уже не с колкостями подходил к иерархам,² а с почтительным исканием: он ищет у них наставления и помощи, как воспитать единственного сына в такой бережи, чтобы его не коснулась «тлетворная зараза западных идей». Действительно ли его это так сильно озабочивало или он этим только угождал, увидим ниже. Но носиться с этим патриотическим яйцом было тогда очень в моде, и вот наш генерал предстает с своей гражданской скорбью к Филарету Дроздову, митрополиту московскому, бывшему тогда в апогее славы его ума, критическая оценка которого до сих пор иными применяется к ереси и даже почти к богохульству.

Как основателен был во всех своих поступках генерал Копцевич и как он предусмотрительно брался за воспитание сына, видно из следующего. По возвращении из заграничного путешествия он уже не возвратил мальчика бабушке, у которой внук дожился до того, что его пришлось целый год «лечить вояжами», а отдал этого молодца в какой-то «институт» в Петербурге. (Что это был за институт, ниже будет сказано.) Но генерал и на этом не успокоился, потому что «институт» в скором времени «распался» по вине одной «сильной дамы», подпущившей туда ужасного, но обольстительного змия. Генерал отчаялся в петербургских людях и «поехал к митрополиту Филарету в Москву, собственно для того, чтобы приискать сыну своему наставника из лиц, образованных в духовных училищах». На самом же деле, кажется, он поехал, чтобы показать себя Филарету и повыгоднее себя перед ним аттестовать.

Иначе почему бы генералу не воспользоваться таковыми же учеными петербургской духовной подготовки? Конечно, может быть, что он боялся, не хуже ли здесь духовное образование, чем в Москве, но кажется, что гораздо более для него заключалось в том, чтобы познакомиться с Дроздовым и поставить ему на вид свой строгий взгляд на воспитание и чистое патриотическое направление с ненавистью ко всему иностранному. Сделать это известным митрополиту Филарету был расчет, и очень недурной.

К этому тогда прибегали многие, и не без пользы для себя и для своих присных. «Противность идеям александровского века» входила в моду, и за нее, случалось, «жаловали»... Состоящему не у дел генерал-губернатору было отнюдь не вредно поплакаться перед могущественным иерархом на всеобщее «петербургское растрление», которого он, Копцевич, как человек истинно русский и будто бы полный беззаветной преданности православию и другим чисто русским «народным элементам», перенести не мог. Тем более его угнетала мысль, что всеми этими гибельными началами может быть отравлена детская душа его сына.

К этому, можно было надеяться, владыка московский не окажется безучастным, и это к чему-нибудь послужит, что-нибудь выйдет из этого небесполезное.

Генерал не ошибся.

² Митрополит Серапион Александровский, не по многих годах после пожалования ему чрезвычайно драгоценных бриллиантовых знаков, которые он показывал Копцевичу, был уволен 24-го января 1822 г. Любопытная история его обещана «Киевскою стариною» (прим. Лескова).

Глава третья

Явился Петр Михайлович к Филарету и повел себя здесь уже совсем не так, как у высокопреосвященного Серапиона. Московского митрополита он не стал затруднять суетною просьбою показать ему жалованные орденские знаки, которых у Филарета Дроздова было не менее, а более, чем у Серапиона Александровского. Нет, тут генерал почтительнейше преклонился и сыновне просил архипастырской помощи: как спасти дитя от волков в овечьей шкуре, которыми и тогда уже был переполнен ожидающий провала Петербург.

– В Петербурге нет людей, всемиловейший владыко! – жаловался генерал митрополиту.

– Знаю, знаю, – отвечал ему Филарет и, уловленный этою лестью генерала, сделал неосторожность: он не только рекомендовал, но из своих рук дал Копцевичу человека – и человека с головы до ног (из которого потом Копцевич, когда благоустроился, с бесстыдным нахальством стремился сделать «поношение человеком» и в значительной мере достиг этого).

Дарованный Филаретом генералу воспитатель был Исмаилов, магистр и профессор вифанской семинарии, знаток математики и физики, и притом любитель светского обращения, для коего он и покинул все общество бродивших в Вифании неуклюжих фигур в длиннополых фенебриях и полуфенебриях, а наичаще даже просто в халатах. Исмаилов был человек с любовью к изящному, – человек как раз к генеральскому дому.

Владыка московский сам «безвкусия не любил» и знал, кто где будет у места.

Генерал, разумеется, Филаретова выбора не критиковал и сейчас же «взял» наставника, которым благословил его святитель московский. Исмаилову Копцевич назначил жалованья «три тысячи рублей ассигнациями» в год и обязался пристроить его на хорошую службу, как только сам получит место. Тогда генерал еще не знал, «где он сам устроится: в Москве или в Петербурге». «Устройство» зависело от одной старухи, сидевшей в старом «гетманском доме» в малороссийской деревне, но величайшей мастерицы обдирать дела. Она уже двигала Копцевича и по Киеву, и в Сибирь, где он оставил генерал-губернаторство совсем не «единственно для воспитания сына», как предполагал довольно легковверный Исмаилов.

Теперь гетманша опять должна подействовать, а Филарет воспособить.

Исмаилов по благословению владыки согласился поступить к генералу, скоро собрался, простился еще раз, «в последнее принял благословение от митрополита Филарета» и поехал...

Куда?

Всякий, конечно, подумает, что воспитатель поспешит в Петербург, т. е. туда, где оставался в это время генеральский сын, отданный там после закрытия загадочного «института» в «российскую академию» под присмотр какому-то «академику». Очевидно, Исмаилов или должен жить с воспитанником в Петербурге, или же он провезет его в Малороссию, к отцу, и там посвятит всего себя его воспитанию. Последнее могло быть очень кстати потому, что мальчика после «института» надо было отучить от многого дурного и приучить к хорошему.

Но в том-то и дело, что все это была одна шумиха слов, а умысел другой тут был. Генерал много и убедительно говорил митрополиту о своих скорбях и заботах исторгнуть сына из-под влияния Петербурга и петербургских идей, но между тем на самом деле он не только сам весь тяготел к Петербургу, но и сына не желал удалять от здешних карьерных пружин.

Вообще с оценкою патриотических и педагогических хлопот и терзаний генерала читатель должен повременить до конца этого небольшого очерка патриотических притворств одного из видных деятелей тридцатых годов, когда было в ходу беззастенчивое лицемерие и благоуспешно производилось самое усердное разрыхление почвы под нигилистические засева.

Глава четвертая

Генерал и наставник, простившись в Москве с Филаретом, выехали из первопрестольной 29-го сентября по дороге в Чернигов, где поблизости было имение тещи Копцевича, – дамы знатной, гордой, своенравной и очень ловкой, которая самого генерала держала, что называется, в ежовых рукавицах.

Там для Исмайлова прямых занятий не было, да собственно говоря (как увидим далее) и все остальное время двенадцатилетнего пребывания его в этом доме он прибалтывался здесь в неопределенной роли «более как друг, чем как наставник». По духу записок очень позволительно думать, что Исмайлов, кажется, совсем и не представлял даже для Копцевича интереса как педагог, а только некоторое время имел здесь свое значение как человек, поставленный в дом митрополитом Филаретом. Это было как раз в те годы, когда укоренялось неосновательное мнение, будто бы митрополит «оказал важную услугу императору Николаю Павловичу при восшествии его на престол», после чего будто государь ни в чем ему «отказать не мог»... Тогда этому очень многие верили и придавали всей этой нестаточности большое значение.

Копцевич, едучи с Исмайловым в Малороссию, играл, впрочем, такую роль, что он в деле воспитания будто и Филарету еще не вполне верит: он вез воспитателя с собою, чтобы на свободе в Малороссии хорошенько этого магистра «испытать с разных сторон». В существе же дела Копцевич вез благословенного Филаретом воспитателя показать теще, без которой генерал не смел ничего сделать в семействе, потому что он тещи очень боялся. Притом же он теперь был не устроен, а эта «деревенская старуха знатного гетманского рода умела превосходно устраивать». Генерал в этом нуждался и теще подслуживался.

Тем не менее от Исмайлова он, разумеется, тайл свои планы, и они, едучи, все друг с другом серьезничали.

Все «скучное дорожное время проводили в разговорах не пустых, для развлечения, а серьезных: генерал (пишет Исмайлов) испытывал меня с разных сторон, а мне хотелось вызнать его качества, цель и образ жизни, обстановку в свете и домашний быт».

Если это сравнить с заботами педагога, приступающего к принятию в свои руки испорченного мальчика, в педагогическом романе Ауэрбаха «Дача на Рейне», или в английском романе «Кенельм Чилингли», то выходит, что педагоги чужих стран несравненно больше склонны были думать о сердцах своих воспитанников, чем о себе, или еще о таких вещах, как «светская обстановка» родителей. Те думали, что наставника подобные вещи вовсе не касаются, Исмайлову же обо всем этом стала забота. Но в наших интересах, для характеристики тридцатых годов, мы найдем нечто любопытное и в этих дорожных беседах двух путников. Генерал Копцевич откроет нам в них, каково было в то время воспитание в кадетских корпусах и что такое за учреждение было тот загадочный «институт», о котором носились когда-то какие-то ужасающие слухи и о котором и до сих пор иногда еще повторяются какие-то смутные предания. Благодаря Исмайлову теперь, наконец, впервые проливается на это несколько более света, и мы получаем обстоятельные вести от одного из фундаторов и распорядителей этого любопытнейшего заведения, из которого все дети вдруг были разобраны, как из чумного карантина. Это случилось «по причине большого скандала», относящегося к чрезвычайным хроникам столицы.

Но прежде два слова о кадетских корпусах.

Постоянно упоминая о своем «русском духе» и о своем «твердом православии», генерал от артиллерии высказал магистру свое откровенное мнение о науках и учебных заведениях в России. К университетам Копцевич, конечно, не благоволил, но, впрочем, не более, как и к кадетским корпусам. По его мнению, и эти последние в отношении доброкачественности воспитания были не лучше всех прочих учебных заведений. Генерал судил о корпусах так: «кор-

пуга у нас очень шатки; в них нет настоящей, свойственной русскому, основы; начальники, большею частью, иноверцы или хоть и русские, но на иностранный манер образованные. Из этих учебных заведений молодые люди очень часто выходят с дурными направлениями – без религии, без нравственности, без патриотизма. Нравственность в них (корпусах) преподает кто как хочет; религия все равно по какому катехизису – по православному, иезуитскому или лютеранскому, – пожалуй, хоть по магометанскому, и то выучат. О патриотизме, любви к отечеству и говорить нечего».

«В России, говорят (корпусные), все нехорошо, – грубость, глупость и невежество. То ли дело за границу, во Франции, Италии, Германии, Англии. Даже у нас в Польше лучше, чем в России. И там даже свободнее дышится».

Конечно, может быть, генерал очень преувеличивал царствовавшее в военных школах тридцатых годов растление, или, по крайней мере, дурное мнение о корпусах принадлежало ему единолично? Но генерал ручался, что «не один он так думает, и перечислил несколько лиц из важных государственных особ, недовольных общественным в то время воспитанием».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.